Аркадий Мар

Кобольды живут в Норвегии

Издательство «Малыш» 1991

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

15 июня 1843 года в Бергене родился Эдвард Григ — композитор, принёсший славу Норвегии. Его творчество покорило сердца не только жителей этой северной страны, но и любителей музыки во всем мире. А она присутствовала в жизни маленького Эдварда с рождения.

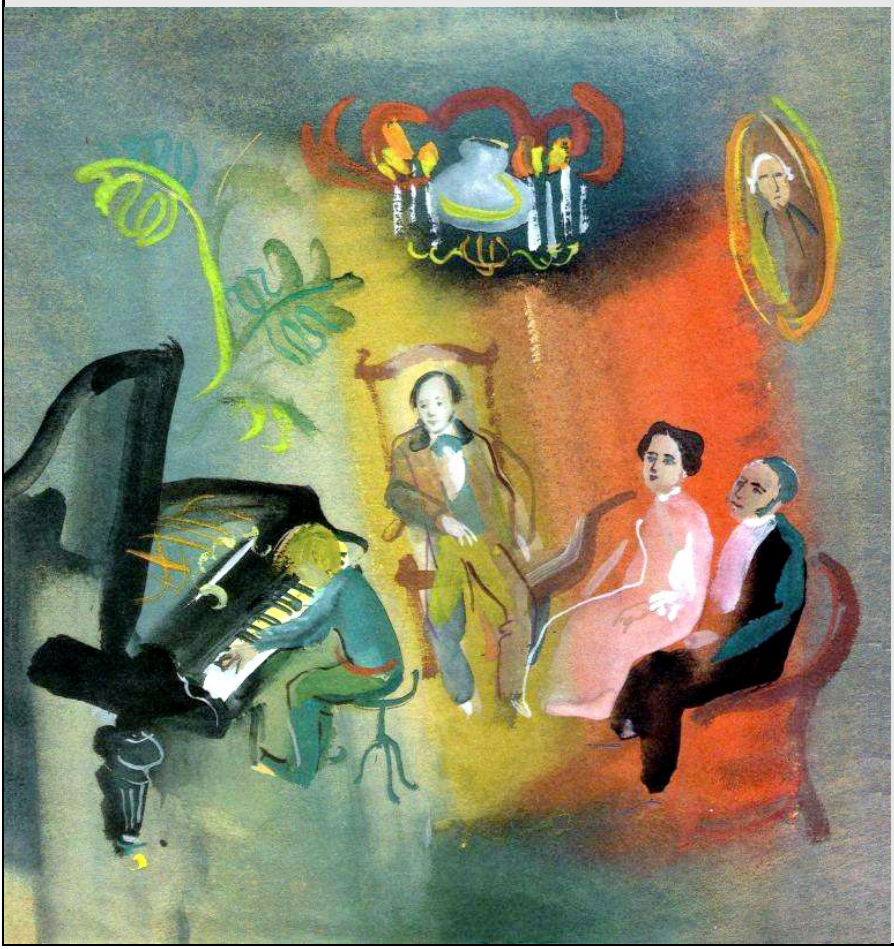
Рисунки Г. А. В. Траугот.

Для младшего школьного возраста.

-
  -
  -
  -
  -
  -
  -
  -
  -
  -
  -
  -

Аркадий Маар

Кобольды живут в Норвегии



Дождь над Бергеном

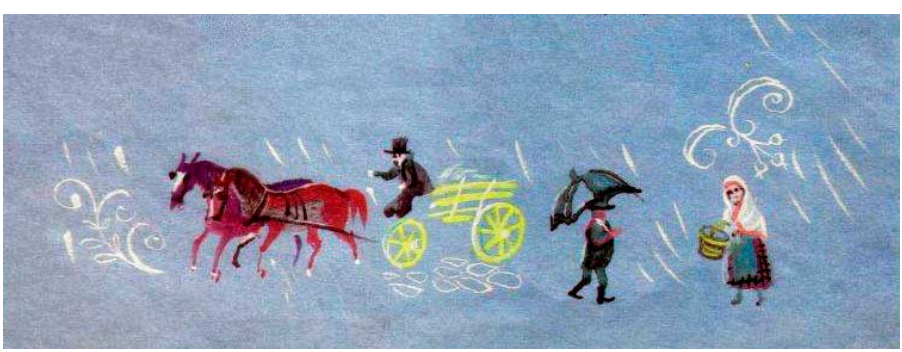
ДОЖДЬ. Опять этот надоедливый дождь.

Как барабанщик, выбивает он непрерывную дробь по островерхим черепичным крышам домов, булыжникам мостовых, раскидистым кронам деревьев.

Дождь, надоедливый дождь, льющийся с блеклого неба.

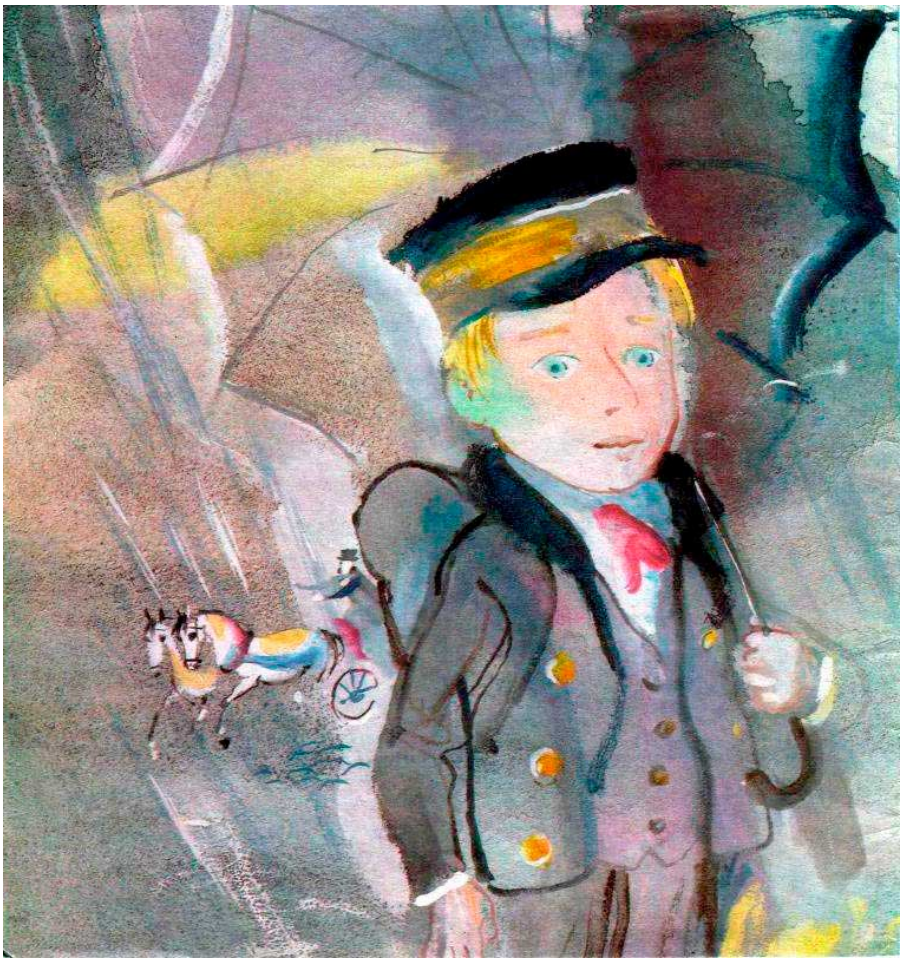
По широкой улице Странгаатен торопятся кареты, веером разбрасывая из-под колёс водяные брызги.

А вот потянулись тяжёлые возы с рыбой. Путь их лежит в порт. Там крепкие макросы погрузят рыбу в трюмы кораблей, быстро поднимут паруса и попльвут в другие страны, чтобы обязательно вернуться в Норвегию, в город Берген, где живет Эдвард Григ.



С ранцем за спиной, держа над головой большой зонт, Эдвард

медленно идёт в школу. Нет, ему совершенно не хочется сидеть сегодня на скучных уроках, где учитель, как всегда, будет заставлять зубрить арифметику и историю.



Эдвард и не заметил, как подошёл к порту. Покачиваясь на ленивой волне, стоят у причалов мокрые, нахохлившиеся, будто птицы, корабли. Их голые мачты похожи на высоченные деревья с опавшей листвой. По трапам спускаются на берег моряки с влажными от дождя бородами.

Эдвард вздохнул. Что же придумать, чтобы учитель отпустил его домой? Эдвард смотрит по сторонам и вдруг замечает, как забытый кем то маленький бумажный кораблик носится по большой луже. Дождь хлещет по его палубе, носу, корме. Через минуту намокшая бумага расползается, и кораблик идёт ко дну.

— Трам, тарарам, тарарам! — во всё горло распевает военный марш Эдвард, складывает зонт и подходит к ближайшей водосточной трубе.

Он придумал. Сегодня учитель, конечно, отпустит его из школы. И вместо таблицы умножения Эдвард сможет весь день заниматься любимой музыкой…

— …Григ, что с тобой? — удивлённо спрашивает учитель.

Сдвинув очки на лоб, он рассматривает Эдварда.

Эдвард, опустив голову, глядит, как с его насквозь промокшей одежды на пол стекают струи, нет, даже не струи, а потоки воды, и молчит.

— Потрудитесь пойти домой переодеться!

И радостный, Эдвард спешит домой…

Деревянные башмачки троллей

ДВАРД подошёл к роялю. Потрогал твёрдые желтоватые клавиши. Нажал одну из них. Рояль ответил глубоким тоном.

Раньше Эдвард верил, что внутри инструмента живут крошечные тролли и горные волшебники кобольды. И они оживают, когда его мать играет старинные мелодии. Эдвард даже со страхом несколько раз заглядывал внутрь рояля.

— Какой ты у меня ещё дурачок, — смеялась мать. И объясняла: — Тролли и кобольды живут в пещерах, а ночами водят хороводы в лесу.

— А почему ночами?

— Потому что если их застигнет луч солнца, они превратятся в камень.

— Мамочка, можно их когда-нибудь увидеть? — затаив дыхание спросил Эдвард.

— Нет. Но иногда на траве остаются круглые следы от их деревянных башмачков…

Однажды, гуляя с отцом по окрестностям Бергена, Эдвард заметил такие следы. Они отчётливо выделялись на влажном песке возле входа в пещеру.

Эдвард заглянул в неё. Тёмный узкий ход вёл, казалось, в самое сердце горы.

— Эй! Э-го-гей! — позвал Эдвард.

— Э-ге-гей-эгей! — ответило гулкое эхо.

А может, это кобольды и тролли приглашали его войти?

— Эдвард, посмотри, как красиво! — сказал отец.

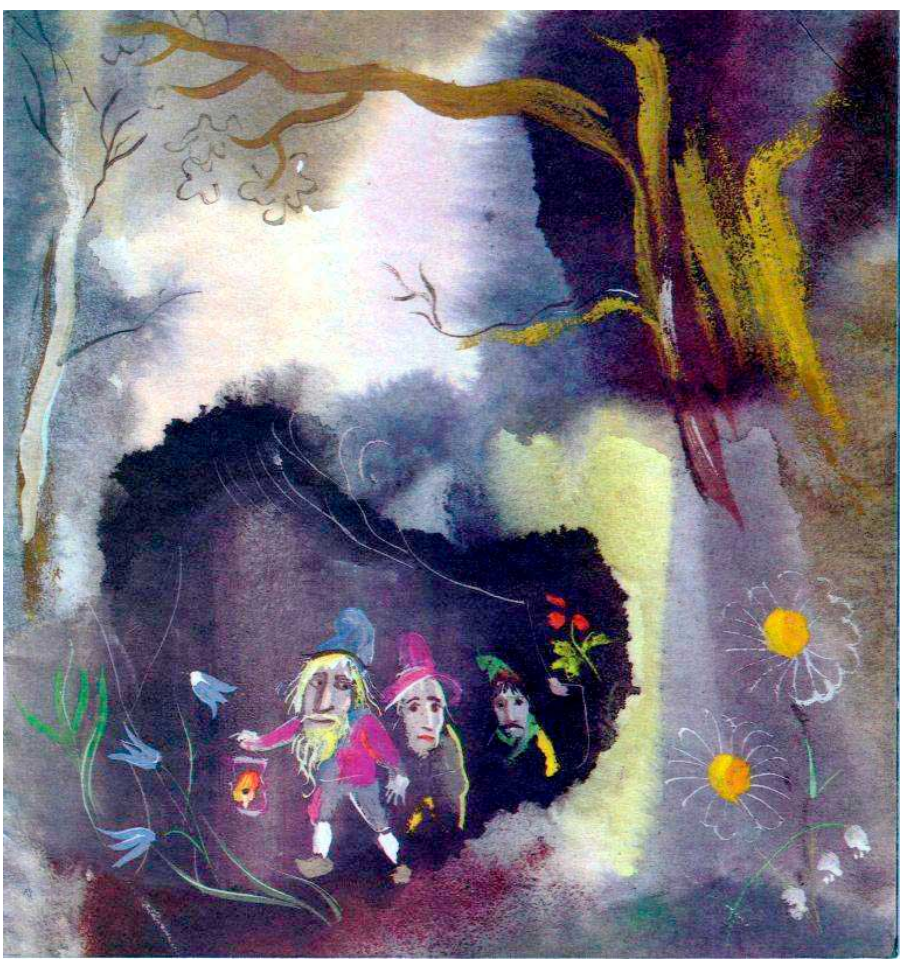
Эдвард обернулся.

Море вдавалось в берег узким извилистым заливом — фиордом.

Под ярким полуденным солнцем от воды поднималась

голубоватая дымка. Ветерок медленно гнал её на берег, на красноватые гранитные скалы, выступавшие из земли. С гор, даже летом покрытых снегом, бежали к фиорду быстрые пенящиеся реки. Тёмные прохладные леса, как крепостные стены, тянулись по горным склонам, а на полянах, среди высокой, по пояс, травы, огоньками блестели жёлтые и красные цветы…

Вернувшись с прогулки, Эдвард сразу бросился к роялю. Быстрее, быстрее. Впечатления от увиденного переполняли его. Он бросил руки на клавиши. Ну, конечно. Это таинственная пещера. В дальнем её конце, тесно прижавшись друг к другу, прячутся тролли и кобольды. Им скучно, хочется, чтобы поскорее зашло солнце, а на небо высыпали крупные звёзды. Тогда они выйдут из пещеры и понесутся по лесу, приминая траву круглыми башмачками.



И рояль понял Эдварда, почувствовал, наверное, то же самое, пророкотал гулкими низкими нотами. Стремительные звуки вырвались из-под пальцев. Но вот мелодия стала более спокойной, плавной. Это большое бледное солнце опускается за острую вершину горы, и в его последних лучах гоняются друг за другом молчаливые птицы.

— Эдвард! — мать показалась в дверях гостиной. — Ты сегодня ещё не играл гаммы, — говорит она строго. — Поэтому будь добр заняться ими.

И Эдвард со вздохом начинает…

Ре. Ми. Фа. Соль. Ля. Си. До. Ре… Скучные какие эти гаммы.

Однообразные и надоедливые… А что, если..

Ре. Ми. Фа. Соль. Ля. Си. До. Ре.

Ну конечно, Это же маршируют солдаты. С ружьями на плечах, одетые в красивые мундиры, они, как на параде, чеканят шаг. А впереди машет блестящей саблей офицер.

Ре. Ми. Фа. Соль. Ля. Си. До. Ре.

Поворот и солдаты маршируют обратно.

— Как тебе не стыдно, Эдвард. Тут фа-диез, а вовсе не фа, — из соседней комнаты слышится голос матери.

Действительно, фа-диез. Он совсем про него забыл.

И Эдвард начинает гамму сначала…

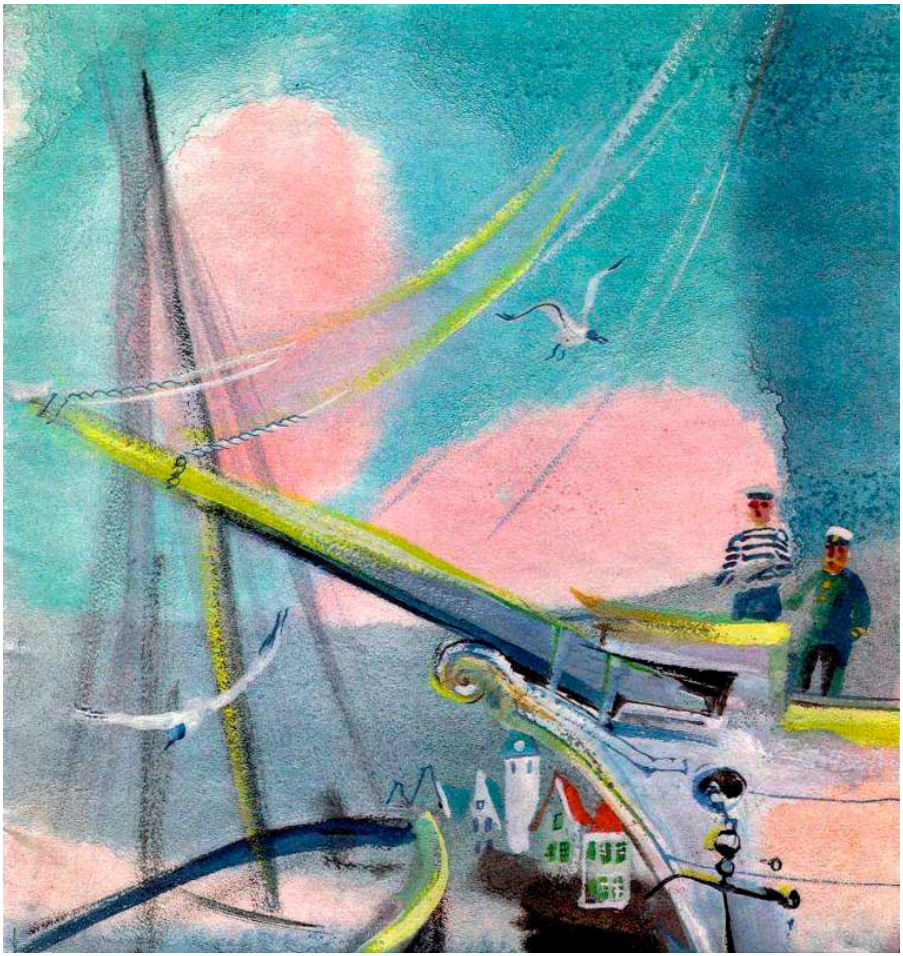
Сочинение номер один

СЕГОДНЯ Эдвард торопится в школу.

В его ранце лежит нотная тетрадь, на обложке которой он аккуратно вывел крупными буквами: «Вариации на немецкую тему для фортепиано Эдварда Грига. Сочинение номер один».

Эту весёлую мелодию Эдвард услышал несколько дней назад.

Распевали её матросы с неуклюжего немецкого торгового корабля, когда, обняв друг друга за плечи, шли по улице Странгаатен. Эдварду понравилась мелодия, и он, добавив аккомпанемент, записал её.



На первом же уроке, дождавшись, пока учитель, уткнувшись в книгу, бубнил что-то, Эдвард толкнул соседа по парте.

— Йенс, посмотри, — и придвинул к нему нотную тетрадь.

Йенс быстро перелистал страницы и недоверчиво прошептал:

— Неужели ты сам сочинил? Неужели сам?

— Конечно! — гордо ответил Эдвард.

— Григ, потрудитесь объяснить, что в этой тетради!

Оказывается, учитель незаметно подошёл к ним.

— Ничего, господин учитель. Это… Это…

— Йенс, что это?

— Григ сочинил что-то.

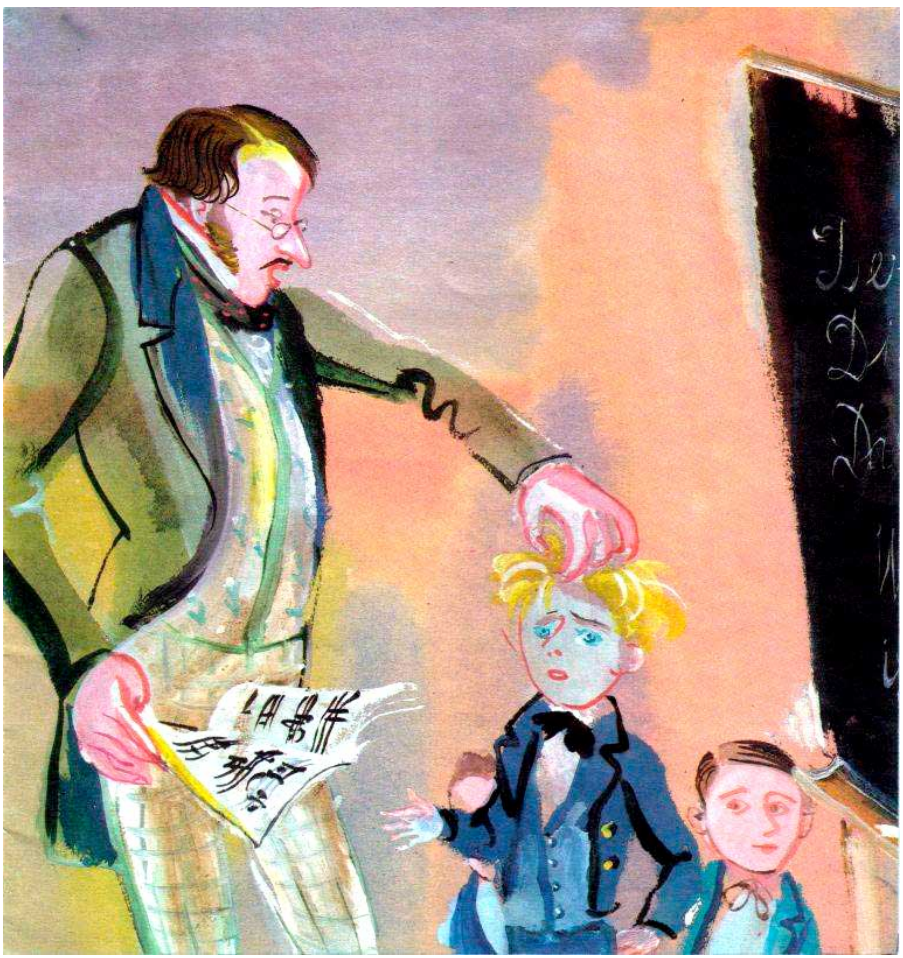
— Покажи!

И учитель взял тетрадь.

— Та-ак, — иронически произнёс он, прочитав надпись на обложке. — Полюбуйтесь-ка! Ученик Григ, оказывается, сочиняет музыку!

И вдруг схватил Эдварда за волосы так, что у того потемнело в глазах.

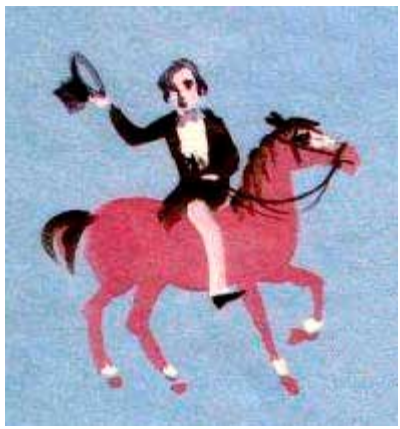
— В другой раз приноси с собой в школу, как полагается, словарь, а эту ерунду оставляй дома!



Больше Эдвард никогда не приносил в школу свои

сочинения…

Совет Уле Булля



ДВАРД, посмотри, кто к нам приехал! — вдруг радостно воскликнул отец. — Уле Булль!

— Да, да, это я. Не ждали? — улыбаясь, произнёс гость, входя в гостиную.

Он поцеловал руку матери, обменялся рукопожатием с отцом, повернулся к Эдварду.

Григ увидел, что его влиятельно разглядывают большие светлые глаза гостя.

Так вот каков он, знаменитый Уле Булль. Лучший скрипач Норвегии. Сильный сутуловатый человек, с чуть склонённой к левому плечу головой.

Очень интересно рассказывает он о своих концертах в разных странах. Эдвард живо представил себе, как звучит скрипка в его руках. Да, обидно, что Уле Булль пришёл к ним в гости без скрипки.

— Дорогой Уле Булль, — сказала мать. — В нашем доме тоже подрастает музыкант.

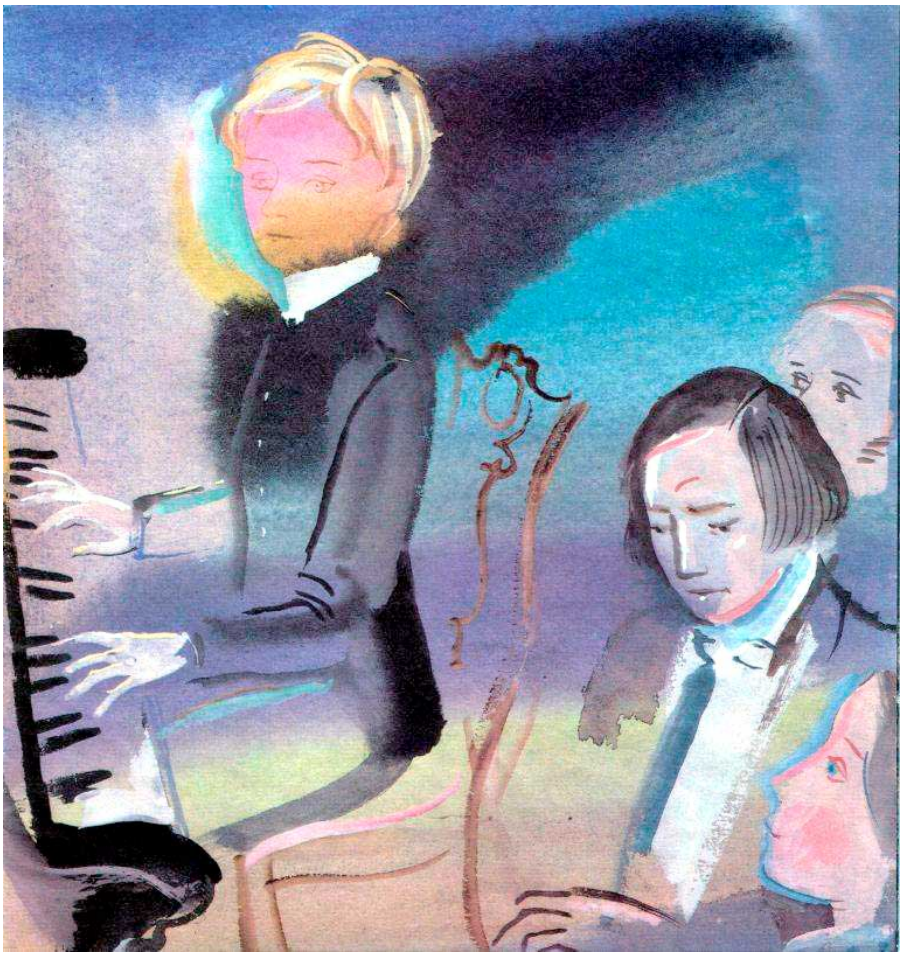
— Этот юноша? — быстро спросил Уле Булль. — А что, если мы попросим его сыграть?

И заметив, что Эдвард, смутившись, отрицательно покачал головой, настойчиво произнёс:

— Ведь я ваш гость. А по старинному обычаю, гостю нельзя отказывать ни в чём.

Решившись. Эдвард сел за рояль, положил руки на клавиши…

Отзвучав, затихла последняя нота, — и Эдвард застыл в ожидании приговора. Только сердце билось часто-часто.



Вдруг Уле Булль порывисто поднялся, широкими быстрыми шагами подошёл к Эдварду, обнял, ласково тряхнул.

— Ты обязательно должен поехать в Лейпциг, в консерваторию, и стать настоящим музыкантом, — решительно сказал он.

Потом обернулся к родителям Эдварда:

— Это нужно сделать немедленно!

— Но мальчику всего пятнадцать лет, — попробовала возразить мать.

— Вы тоже музыкант, — не согласился Уле Булль, — и должны понимать, что способности Эдварда могут развиться только в консерватории… К сожалению, это можно сделать только в Лейпциге. Ведь у нас, в Норвегии, консерватории пока нет, — с грустью добавил он…

Холодный ветер дует прямо в лицо, холодит щёки и нос, но Эдвард до боли в глазах вглядывается в еле заметную тёмную полоску на горизонте.

Там осталась Норвегия, его родной город, дом, где провёл детство.

Под напором северного ветра поскрипывают мачты корабля; он стремительно взлетает на гребень волны, потом падает вниз. И Эдвард, чтобы удержаться на ногах, хватается за борт.

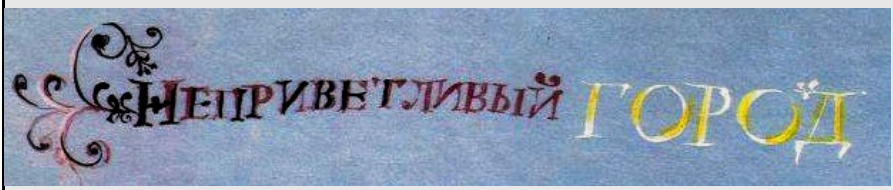
Но вот уже пропала и тёмная полоска, вокруг корабля безбрежное море.

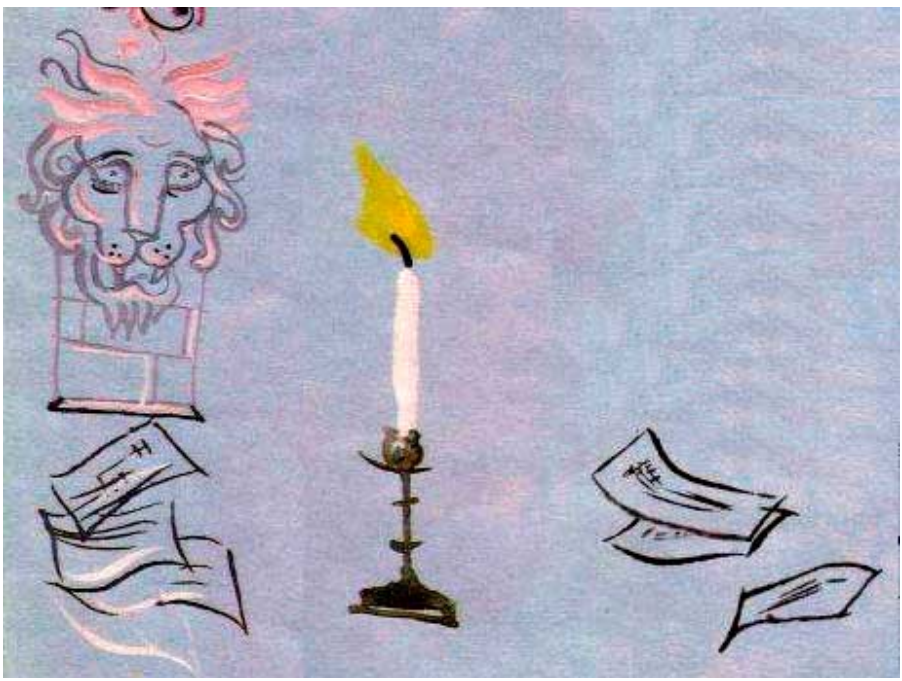
Эдвард поворачивается, идёт в каюту. Он нащупывает в кармане твёрдый лист бумаги и, наверное, в тридцатый раз перечитывает строки протокола:

«Ученика Эдварда Грига полагать с 31 августа 1858 года выбывшим из школы с целью получение образования музикуса…»

Ему пятнадцать лет, и он едет в город Лейпциг поступать в консерваторию…

Неприветливый город





МАЛЕНЬКИЙ, толстой, лысый человечек неподвижно, как приросший, сидит около фортепиано рядом с Эдвардом и, заложив за ухо указательный палец, однообразно твердит одно и то же:

— Медленно, сильно, выше пальцы. Медленно, сильно, выше пальцы.

Это преподаватель Эдварда по фортепиано. Зовут его Луи Плези. Сегодня на уроке Григ играет сонату Клементи. Сочинения

этого композитора Эдварду совершенно не нравятся. Сухая, не трогающая душу музыка. Пальцы Эдварда сами по себе бегают по клавиатуре, а мысли заняты другим…

Лейпциг. Как не похожи сто огромные серые дома, нависающие над узкими улочками, на родной Берген. Всё здесь кажется чужим, неприветливым.

Первое время Григ уходил в свою комнату, плакал от тоски. Хозяин дома, почтовый служащий, у которого жил Эдвард, старался утешить его:

— Ну взгляните, дорогой господин Григ, ведь здесь то же солнце, та же луна, что и у вас в Норвегии.

Постепенно Эдвард привык к новому городу.

В рубашке с короткими рукавами, как одевался у себя в

Бергене, он часто посещал концертные залы, репетиции симфонического оркестра. Долгие часы проводил в консерваторской библиотеке.

А с каким трепетом Эдвард входил под своды церкви Святого Фомы. В ней когда-то служил великий Бах.

Григу представлялось, как Иоганн Себастьян Бах по шаткой лесенке поднимается наверх, где стоит орган, отпирает его ключом, кладёт уверенные сильные пальцы на клавиатуру, и мощные трубные звуки органа сотрясают церковь.

— …Медленно, сильно, выше пальцы. Медленно, сильно, выше пальцы. Григ, почему вы остановились? Не согласны с моими замечаниями?

Луи Плези покраснел, схватил ноты, стоящие перед Эдвардом, и, размахнувшись, зашвырнул в угол класса.

— Идите домой и упражняйтесь, как я велю! — крикнул он…

Дверь, ведущая в директорский кабинет. Эдвард решительно распахивает её.

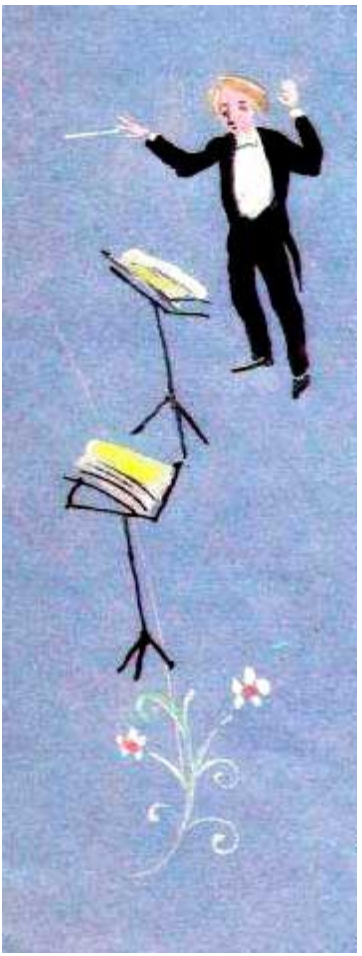
— Господин директор, — смело говорит Григ. — Я очень прошу перевести меня к другому преподавателю.

И неожиданно директор консерватории соглашается.

У Эдварда теперь другой педагог. Прекрасный, умный, тонкий музыкант Игнац Мошелес.

Ночами Эдвард сочиняет музыку. Небольшие фортепианные пьесы, романсы — произведения для голоса на стихи различных поэтов. Увереннее ложатся на нотную бумагу всё новые и новые мелодии…

Возвращение



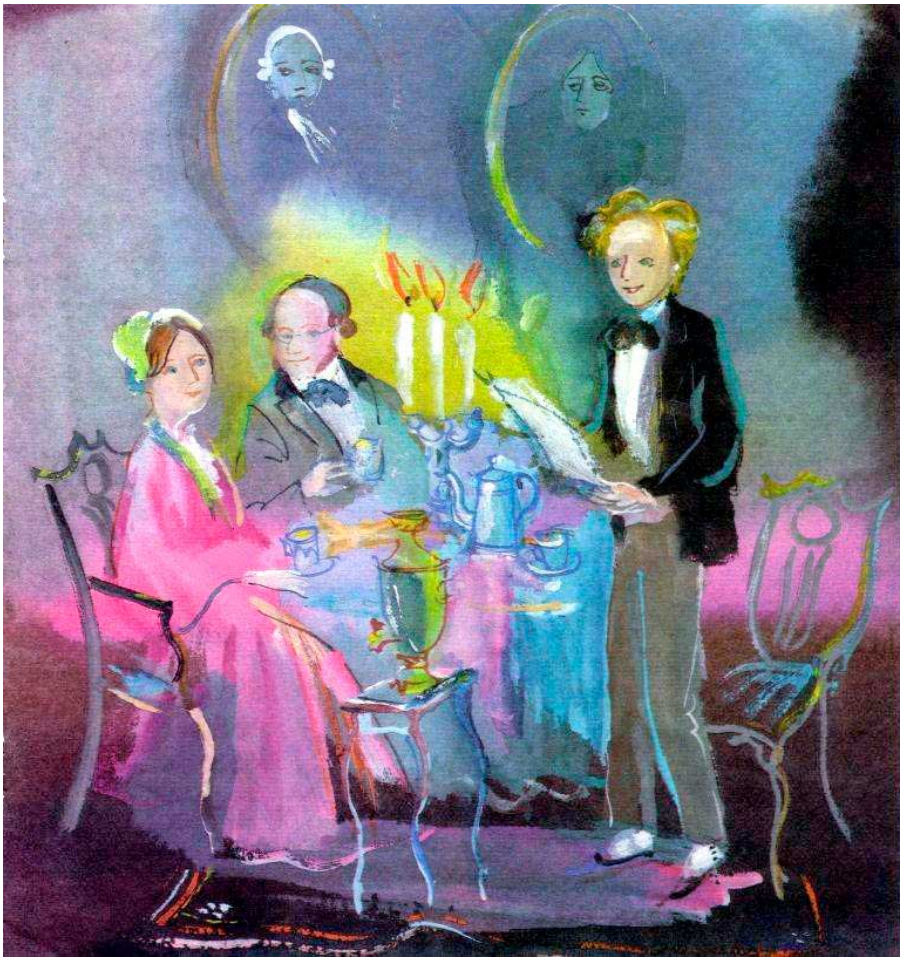
РКО горят свечи в массивных канделябрах. Чуть колеблясь, язычки пламени освещают радостные лица Эдварда, его родителей. Наконец-то пробежали три долгих года учёбы, и вот опять родительский дом. Старый рояль так же стоит в углу гостиной.

— Эдвард, — говорит мать. — А ведь ты ещё не показал нам аттестат!

— Сейчас, сейчас, — соглашается Эдвард.

Он спешит в свою комнату, быстро возвращается обратно. Потом разворачивает свёрнутый в трубку красивый лист и, стараясь не рассмеяться, торжественно зачитывает:

— «Господин Григ из Бергена, учащийся консерватории, проявивший себя как превосходный пианист, может быть так же причислен к лучшим ученикам по композиции…» И дальше: «Господин Григ обладает в высшей степени значительным музыкальном талантом. Было бы весьма желательно, чтобы он получил возможность развить этот талант в полной мере и во всех направлениях…»



— Ну и что собирается теперь делать господин Григ? — улыбаясь, интересуется отец.

— Стать композитором, — серьёзно отвечает Эдвард.

Нина

Е часто находил Григ время для творчества.

Ведь нужно зарабатывать на жизнь. Утомительны ежедневные занятия с учениками, бесконечные репетиции с оркестрантами. Как хочет он, чтобы маленький, плохо обученный оркестр стал гордостью Норвегии.

Успокаивался Григ только дома.

— Эдвард, дорогой, не сдавайся. Ведь на твои концерты собирается молодёжь. С каждым новым выступлением будет её всё больше и больше, — глубоким, певучим голосом утешала его жена Нина…

Нина… Эдвард познакомился с ней, приехав к родственникам в Данию. Он играл по просьбе гостей свои пьесы, когда в комнату вошла Нина. И ему сразу понравились её лучистые голубые глаза, пышные волосы, уложенные в скромную причёску.

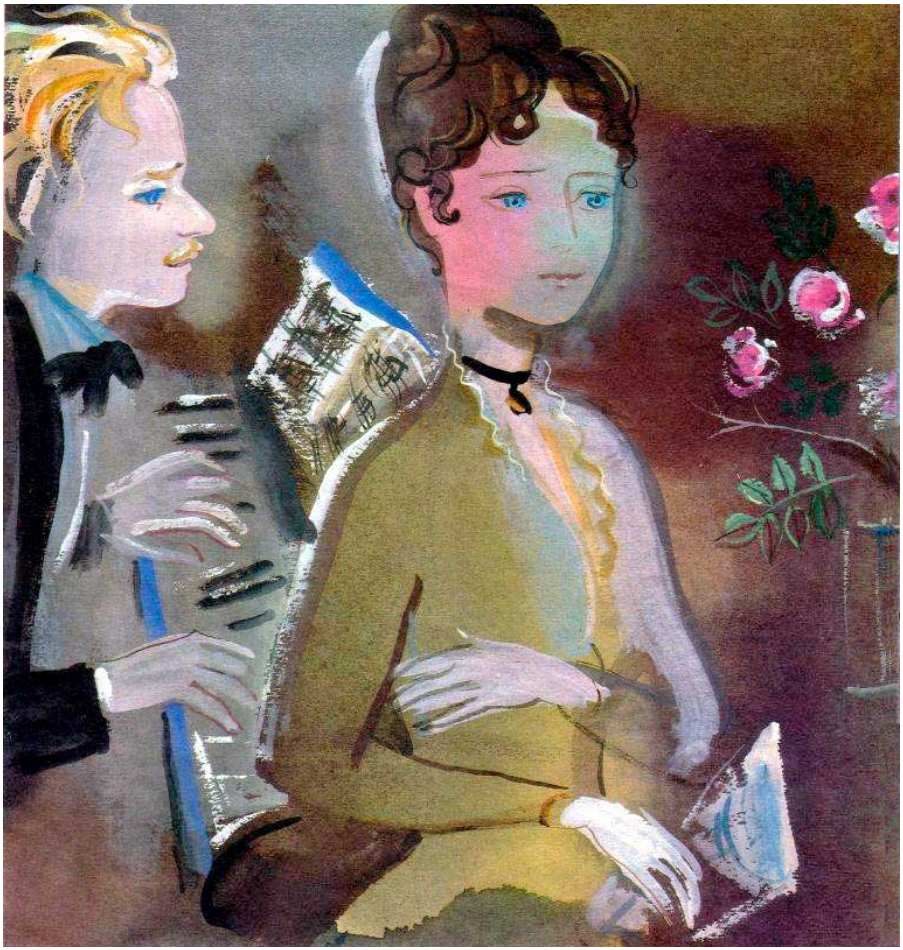
А какой чистый сильный оказался у неё голос. Нина спела несколько песен, потом сказала Эдварду:

— Мне бы хотелось спеть и ваши романсы.

Они часто гуляли по окрестным лугам, и однажды Григ протянул Нине скатанные в трубочку листы. Нина быстро развернула их и увидела бегущие нотные строчки. А над ними чётким почерком Эдварда выписанное название романса: «Люблю тебя».

— Я хочу попросить вас исполнить романс на концерте, — тихо попросил Эдвард…

Нина стояла на сцене, смотрела в переполненный зал, но видела только Эдварда. И лишь для него одного звучал её голос…



Мелодия для концерта

К маленькому домику садовника, спрятавшемуся в густых зарослях ежевики, не доносятся ни детские крики, ни шум проезжающих карет. Григу нужна тишина, поэтому он и приехал сюда жарким летом 1868 года, чтобы сочинить новое большое произведение. Оно будет называться «Концерт для фортепиано с оркестром».

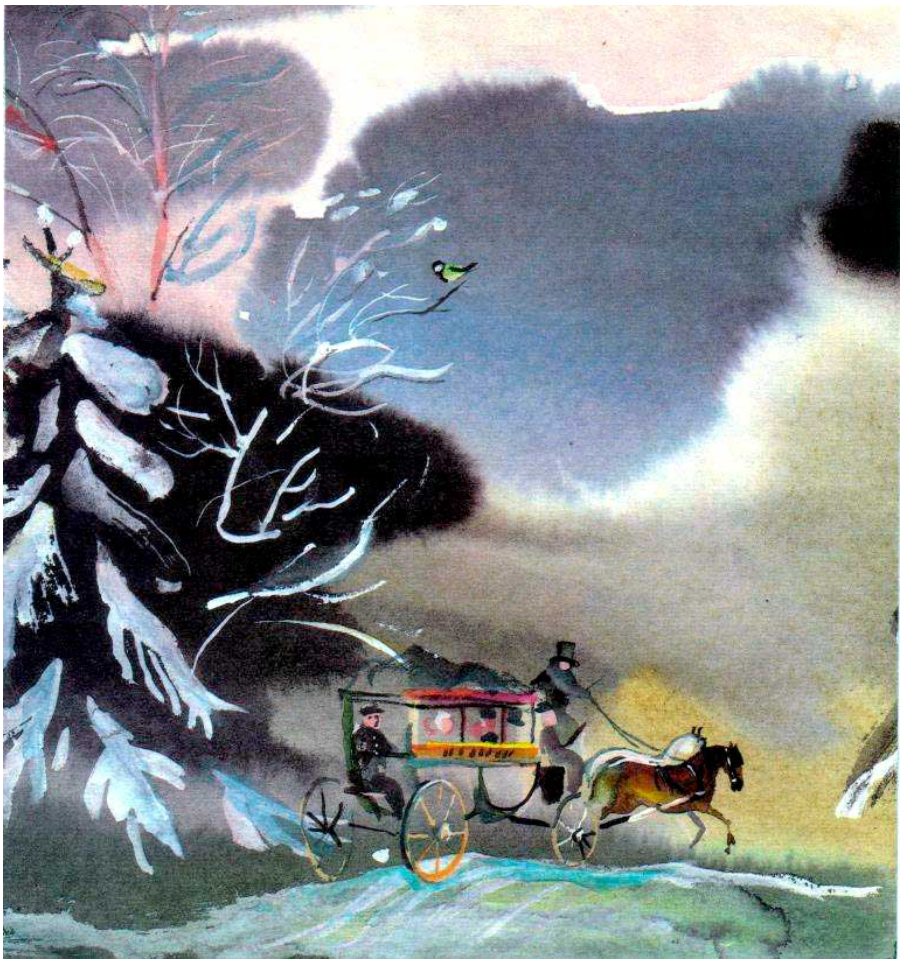
Рядом со стареньким фортепиано простой неструганый стол,

заваленный исчерканными листками нотной бумаги. Григ пробегает глазами исписанные накануне листы, решительно рвёт их.

Потом откидывается на спинку жёсткого стула. Эдвард расстроен, чувствует, в его музыке чего-то не хватает. Нет, получается она мелодичной, приятной на слух, грамотной. Но ведь он задумал фортепианный концерт, рассказывающий о его родине, Норвегии. О её суровом трудолюбивом народе.

Последнее время Григ живёт в другой стране.

После тяжёлой болезни врачи посоветовали Эдварду переехать на время в Данию — климат там мягче. Природа Дании мало напоминает норвежскую. Нет бурливых маленьких речек, высоких гор с острыми вершинами, на которых не держится снег.



Эдвард закрывает глаза.

…Норвегия. Тяжёлые тёмные волны холодного Северного моря, вздымаясь ввысь, падают на скалистый берег, разбиваются об него и, откатываясь назад, собираются с силой, чтобы, разбежавшись, опять ударить в гранитную грудь утёсов.

Хмурое небо низко нависает над непроходимыми лесами, и в звенящем безмолвии лишь с сухим треском ломается под тяжестью снега ветка дерева…

Мелодия, мелодия возникла вдруг, будто соткалась из стона волн, из тишины зимних лесов, и Эдвард торопясь записывает ее. Потом проигрывает на фортепиано.

Да, это, конечно, она. Мелодия, которая зазвучит в начале концерта. И, услышав мелодию, публика сможет представить его страну.

А дальше музыка концерта станет иной.

Весело ударит смычком по струнам деревенский скрипач. Сирингданс! Сирингданс! Прыжковый танец! Выходите все в круг!

По деревенской площади бережно, плавно ведут девушек нарядно одетые парни.

Но вот всё быстрее и быстрее играет скрипач. Крупные капли пота катятся по его лицу. Скорее и скорее кружатся пары.

Улыбающиеся лица, радостные возгласы. Праздник удался на славу. А потом наступит вечер и опустит смычок усталый скрипач…

Сквозь оконное стекло хорошо видно, как мерцает одинокий огонёк свечи в маленьком домике, спрятавшемся в густых зарослях ежевики. Он освещает склонённую фигуру человека, сидящего за столом.

Это Эдвард Григ. Он сочиняет концерт для фортепиано с оркестром.

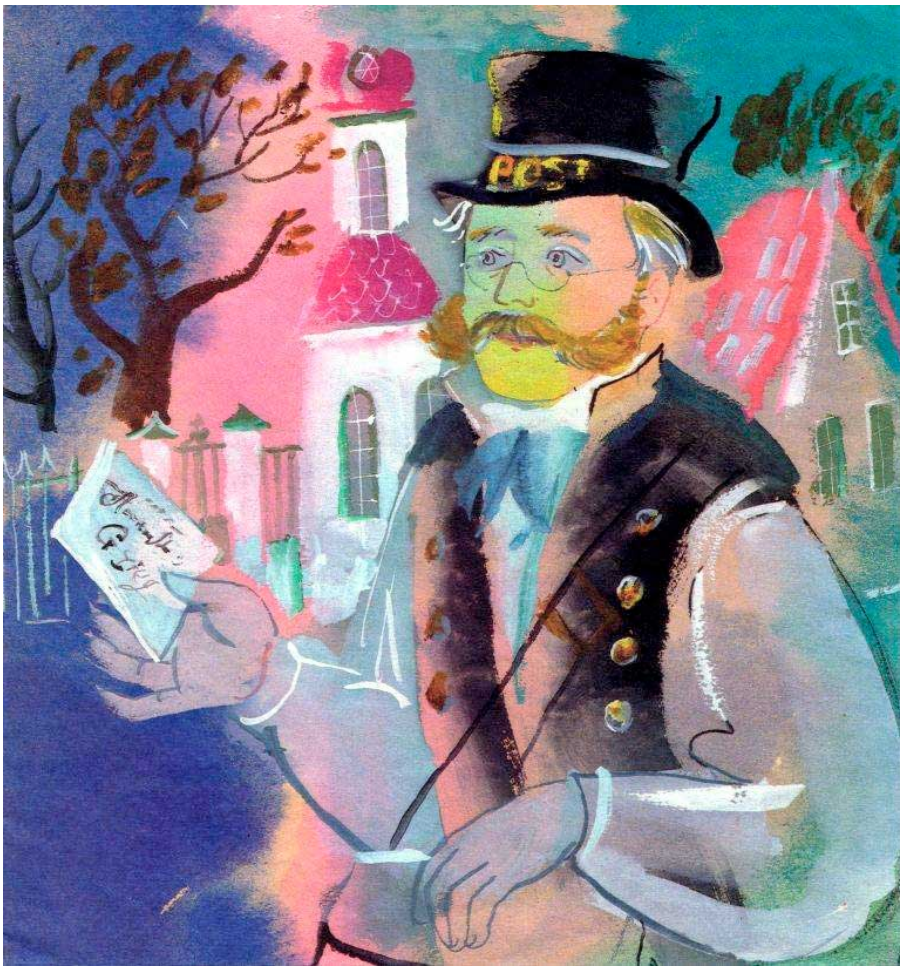
Пер Гюнт

МЕЛОДИЧНО звякнул колокольчик, и Эдвард открыл дверь. Он увидел почтальона — пожилого человека с густыми рыжими бакенбардами. Почтальон порылся в объёмистой кожаной сумке, вытащил толстый пакет с красной сургучной

печатью.

— Это вам, господин Григ, — произнёс он, улыбнувшись, и добавил:

— Я всегда чувствую, когда приношу хорошие известия.



Григ взял пакет и предложил:

— Может быть, вы зайдёте выпить стаканчик грогу, а то сегодня в Бергене такая промозглая погода.

— Большое спасибо, — поблагодарил почтальон. — Но мне ещё нужно сегодня поработать. А совсем скоро наступит вечер…

Эдвард вскрыл пакет и почувствовал волнение. Пакет был от великого норвежского драматурга Генриха Ибсена.

Пьесы его Григ хорошо знал, много раз с наслаждением смотрел в театрах Норвегии и Дании. И вот Ибсен посылает

Эдварду новую пьесу, просит сочинить к ней музыку. Называется пьеса «Пер Гюнт».

Григ открывает первую страницу, начинает читать…

Пер Гюнт так зовут парня, выросшего в маленькой деревушке, затерявшейся среди густых лесов. Здесь его дом, старая мать, Сольвейг — девушка, которая его любит.

Но не мила стала больше Пер Гюнту родная сторона. В далёкие страны решил отправиться он. Ведь там, думал Пер Гюнт, где большие города, тёплое море, жаркое солнце, жизнь приятна и легка.

Много лет путешествовал Пер Гюнт. Видел египетские пирамиды, гостил в таинственном волшебном царстве горного короля.

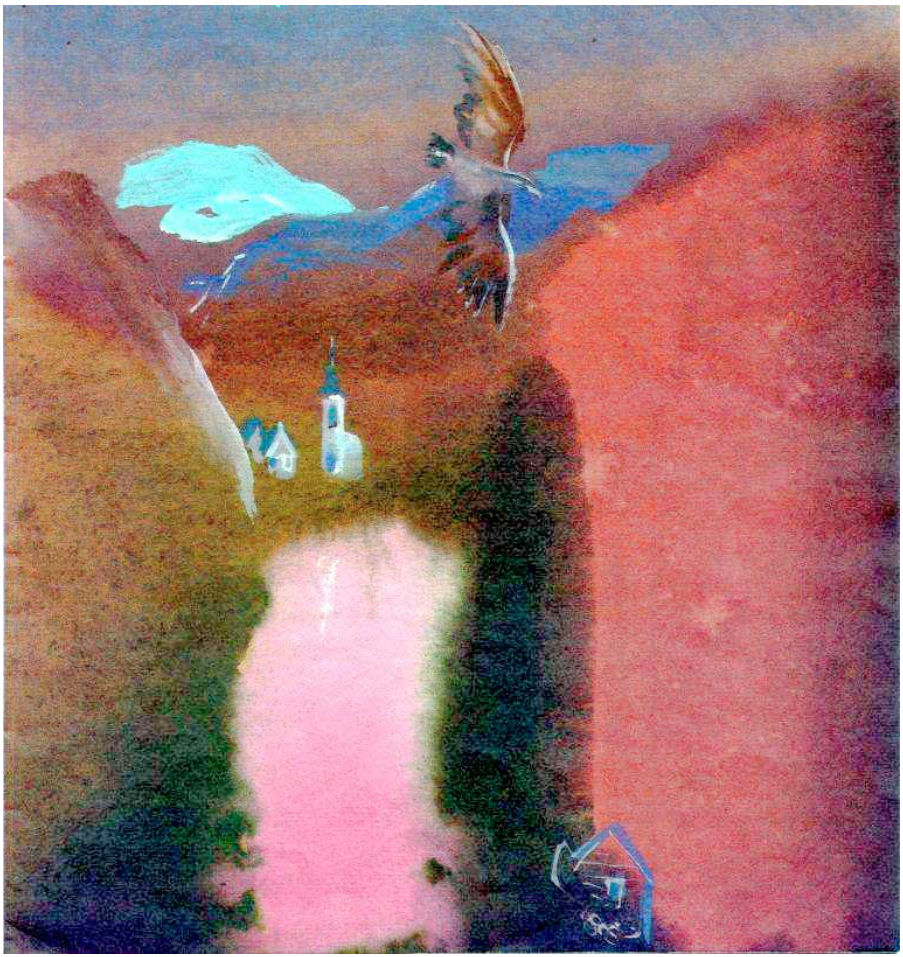
Прошло время. Покрылось морщинами лицо Пер Гюнта. Поседели его волосы. Но нигде не смог отыскать он своё счастье. И тогда вспомнил Пер Гюнт Норвегию. Страну, где родился. Клубящийся над лугом туман. Ледяные ключи, бьющие из под корней громадных столетних дубов. Короткое северное лето, когда ночи тихи и светлы, а от ветерка, наполненного ароматами трав, кружится голова.

Приехав в Норвегию, узнал Пер Гюнт, что давно умерла его мать, развалился дом, где он жил когда-то. И только одна Сольвейг ждала его, верила, что вернётся…

Уже давно рассвело, когда Эдвард окончил читать пьесу. Потом в волнении заходил по комнате. Подошёл к письменному столу, взял чистый лист бумаги, ручку, быстро забросал

несколько строк. Он благодарил Ибсена за предложение. Он согласен и немедленно примется за работу. Сочинит музыку, которая будет сопровождать действие пьесы.

И в этих музыкальных картинах нарисует и шторм на море, и шествие злых троллей…



Премьера

ТРИГ достал часы, волнуясь, посмотрел на неторопливо бегущие стрелки. Да, поезд, на котором он едет из Бергена в столицу Норвегии — Христианию, определённо опаздывает. А ведь сегодня в королевском театре премьера «Пер Гюнта».

Но вот — наконец-то! — потянулись первые дома предместья, поезд замедлил ход, подкатил к перрону, паровоз зашипел, окутался белым облачком пара, вагоны дёрнулись и остановились.

Эдвард заспешил на привокзальную площадь, нанял экипаж. Когда он подъехал к театру, представление уже началось. В пустом вестибюле гулко раздавались шаги Грига. Он тихо приоткрыл дверь в зрительный зал и поразился. Все места были заняты. Затаив дыхание, публика смотрела на сцену. Там, у подножия горы, спрятавшись за камень, Пер Гюнт со страхом наблюдал, как мимо него проходят злые волшебники тролли.

Жестко и сухо звучала мелодия причудливого марша. Звуки нарастали. Казалось, затряслось тело горы, с вершины её с гулом покатились вниз огромные камни…

А песня Сольвейг — невесты Пер Гюнта — вызывала слёзы. Одиноко несется её голос в переполненный зал. Тихая, полная грусти песня, похожая на маленькое лесное озеро, заросшее нежными кувшинками…

Весна пусть пройдёт, и зима пусть придёт.
Увянут цветы, снегом их занесёт.
Но ты придёшь ко мне, верю я, верю я.
Милый мой друг…

Медленно опустился тяжёлый бархатный занавес, но зрители сидели молча. И вдруг зааплодировали, не жалея ладоней.

— Григ! Григ!!! — неслось от ряда к ряду.

Его узнали.

Эдвард поднялся на сцену. Долго смотрел на бушующий зал. Он был счастлив. Норвежцам понравился спектакль.

Холм троллей

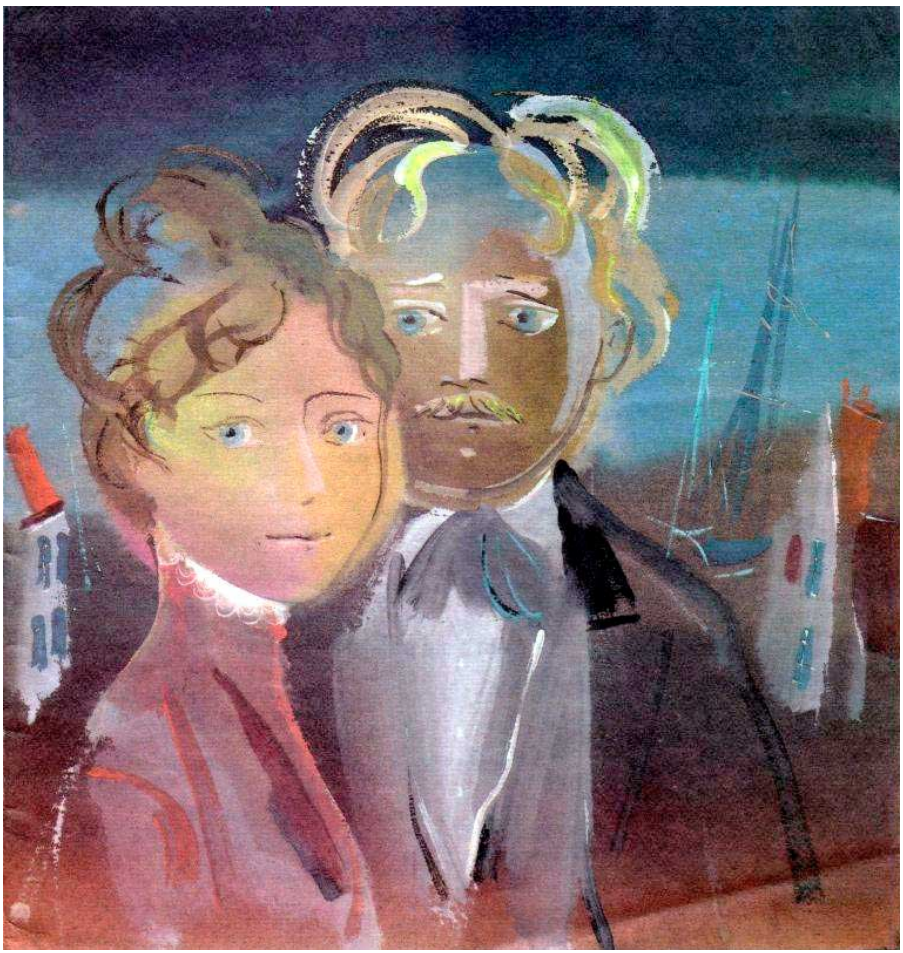
ДВАРД и Нана радостно ходили по комнатам, вдыхая крепкий смолистый запах дерева. У них наконец-то появился новый большой дом. С обширной верандой и изящной башенкой. В нём они смогут принимать гостей, артистов, музыкантов,

художников.

— А как мы его назовём? — спрашивает Григ. — Может, «Кнэуссн» — Горка, заросшая деревьями?

Нина задумалась.

Нет, Эдвард, — решительно сказала она. — В твоих произведениях живут тролли. И пусть наш дом будет «Тролльхауген» — Холм троллей.



Из окон дома открывался чудесный вид на окрестные горы, поросшие вечнозелёными елями. А весной, когда прилетали птицы, Григ слушал их звонкое пение.

Но сочинять музыку Эдвард любил в крошечной хижине, стоящей у подножия Холма троллей, куда доносилось равномерное тяжёлое дыхание моря.

Хижина была такой тесной, что в ней помещались лишь пианино, письменный стол да два стула.

В Тролльхаугене Григ прожил много лет. Сюда часто присылали ему приглашения выступить с концертами в разных городах Европы.

Эдвард соглашался… Он начинал дирижировать, и послушный его воле оркестр рассказывал о Норвегии, её суровой природе. Публика платила Григу любовью.

В Праге сотни людей после концерта провожали его в гостиницу.

А в Лондоне публика приколола к одежде крошечные норвежские флажки. Заметив» это, Григ в волнении опустил дирижёрскую палочку.

После концертов Эдвард возвращался домой, в Тролльхауген. Передохнув несколько дней, он надевал плащ, широкополую шляпу, и на лесных дорогах, горных тропинках часто можно было встретить его одинокую фигуру.

Не раз ночевал он в бедных хижинах дровосеков. Долгие часы проводил с пастухами у ярко горящих костров. Слушал народные песни, тщательно записывал их протяжные напевы, восторгался игрой деревенских музыкантов.

Однажды Григ получил письмо из глухой горной деревушки. И долго разбирал наползающие друг на друга строчки.

«Я совершенно не знаю нот, но с детства старался в точности подражать игре разных музыкантов. Сейчас мне восемьдесят лет, и я очень боюсь, что мою музыку схоронят месте со мной», — было написано в письме.

Григ очень долго добирался до засыпанной снегом затерянной деревушки, где жил старый скрипач. И провел в ней несколько недель. Каждый день с восходом солнца Эдвард доставал нотную бумагу, карандаш, терпеливо ждал, пока старик настроит скрипку.

То грустно, то весело поёт скрипка Под искусным смычком музыканта оживают старинные танцевальные, свадебные, колыбельные мелодии слотты. Волнуясь, бережно переносит их Эдвард в свою тетрадь.

А вернувшись в Тролльхауген, обработает для фортепиано, навсегда сохранив для своего народа..

Летом 1907 года Грига пригласили дать несколько концертов в Англии. Хотя Эдвард плохо себя чувствовал, он верил, надеялся, что сможет дирижировать оркестром.

— Эти концерты возвратят мне силы, — говорил он Нине. — Мне шестьдесят четыре года, я ведь ещё не очень стар.

Но поездка не состоялась…

…Звонили колокола.

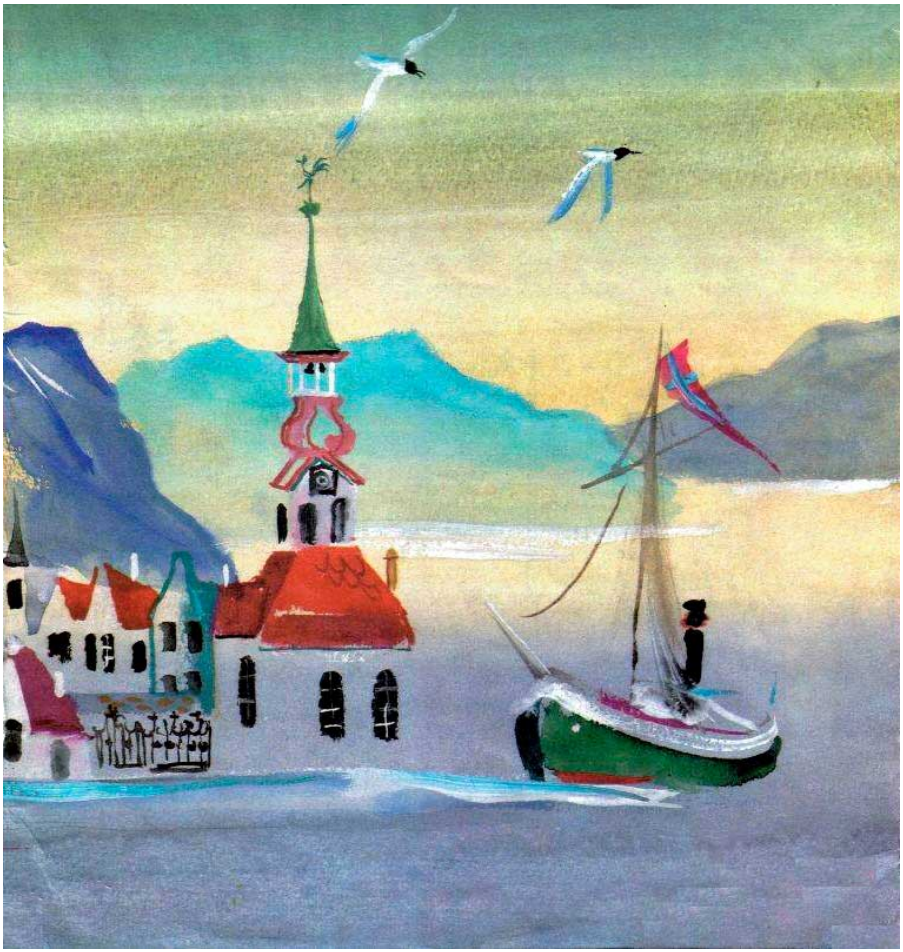
Колыхались на осеннем ветру поднятые над домами Норвегии скорбные чёрные флаги.

Медленно, не сдерживая слёз, шли за гробом Грига жители его родного Бергена.

Грустно звучал траурный марш.

Похоронили Эдварда под каменной осыпью на высоком скалистом мысе.

Внизу, у его подножия, не умолкая шумит Северное море, а в окрестных лесах выводят протяжные трели чёрные дрозды.



2 р. 50 к.

Для младшего школьного возраста

Аркадий Маркович Мар

КОБОЛЬДЫ ЖИВУТ В НОРВЕГИИ

Художник Г. А. Б. Траугот

Редактор Н. Постникова. Художественный редактор М. Сметь-ева. Технический редактор Н. Житейкин. Корректор Н. Шадрина.

ИН № 3204

Сдано в набор 03.05.91. Подписано в печать 18.09.91. 60×108/8. Бум. офс. № 1. Гарнитура банковская. Печать офсетная. Уел. печ. л. 4,8. Уел. кр.-отт. 21,6. Уч.-изд. л. 8,13. Тираж 220 000 экз. Изд. № 11343. Заказ № 628. Цена 3 р. 50 к. Издательство «Малыш» 121352, Москва, Давыдковская ул., д. 5.

Тверской ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Министерства печати и массовой информации РСФСР. 170040, Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

М 4803010101—103 / М122(03)—91 42—91

ISBN 5-213-00280-3

© текст Аркадий Мар, 1991
© изд. Траугот Г. А. Б., 1991